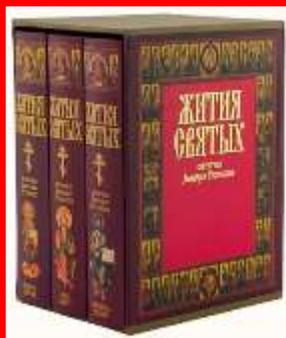
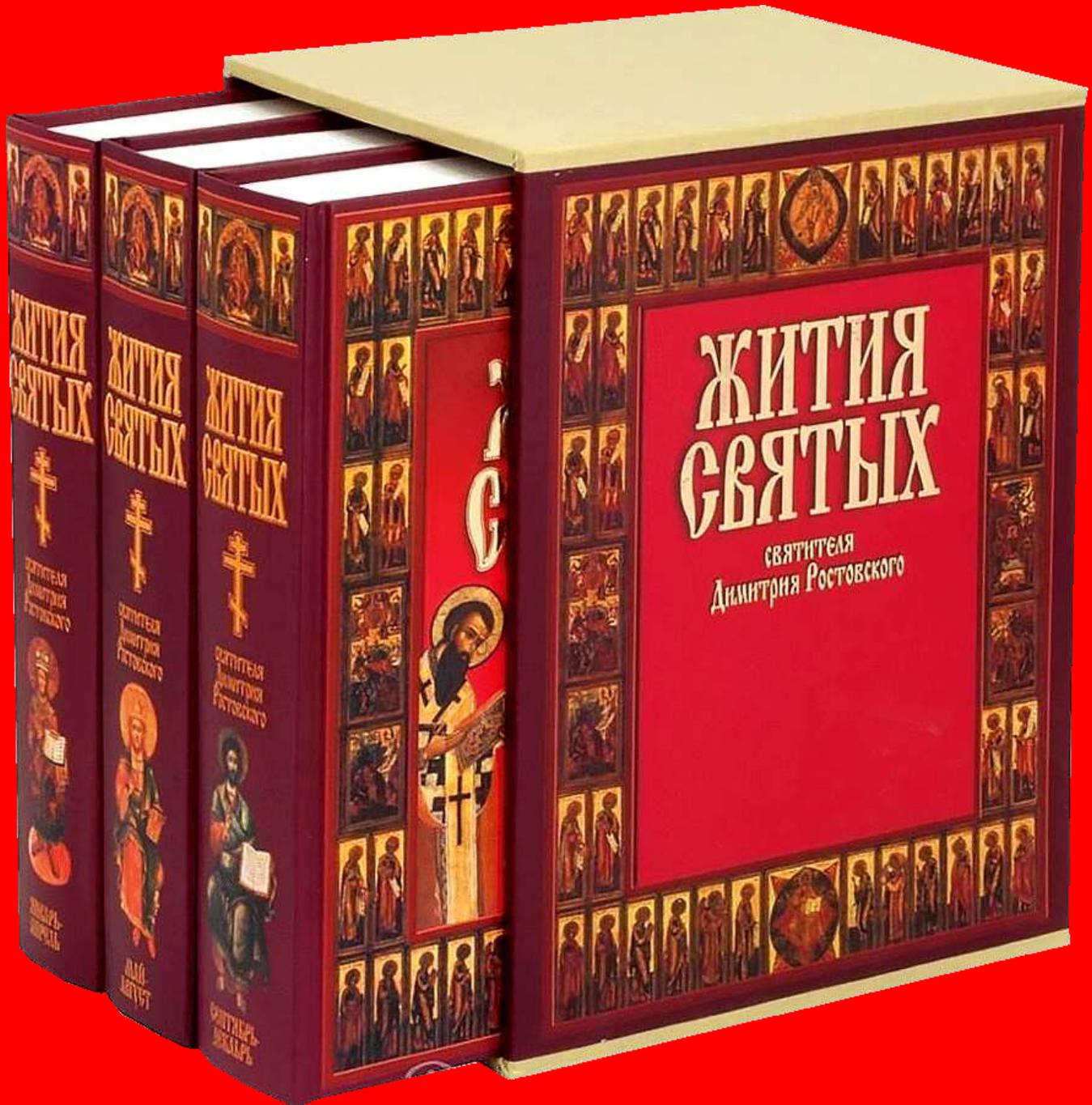

TEZĂUR LITURGIC
27 IULIE
SF.DIMITRIE AL ROSTOVULUI

VIAȚA
SF.MARE
MUCENIC
PANTELIMON
TĂMĂDUITORUL

MOSCOVA, 2016

Память 27 июля

Страдание святого великомученика Пантелеимона

Когда царствовал нечестивый Максимиан¹, жестокий мучитель христиан, и когда почти вся вселенная была покрыта тьмою идолопоклоннического нечестия повсюду на верующих во Христа воздвигнуто было великое гонение и мученически скончалось много исповедников пресвятого имени Иисуса Христа, тогда пострадал за Христа в Вифинской стране² в городе Никомидии³ и святой великомученик Пантелеимон.

Этот преславный среди мучеников страстотерпец Христов родился в том же городе Никомидийском от знатного и богатого отца, по имени Евсторгия и от матери Еввулы. Отец его, по своей вере был язычник, горячо прилежавший к идолопоклонству; мать – христианка, от прародителей своих наученная святой вере и усердно служившая Христу. Итак, соединенные телесно были разделены духовно: он приносил жертвы лживым богам, она приносила "жертву хвалы" истинному Богу. Родившегося же у них отрока, о котором наше

слово, назвали Пантолеоном, что значит: во всём лев, ибо предполагалось, что мужеством он будет подобен льву. Но, впоследствии, отрок был переименован Пантелеимоном, то есть всемилостивым, потому что всем оказывал милосердие, когда без платы лечил больных или подавал милостыню нищим, щедрою рукою раздавая нуждающимся отцовское богатство. С раннего детства мать воспитывала отрока в христианском благочестии, научая познанию единого истинного Бога, живущего на небесах, Господа нашего Иисуса Христа, чтобы он веровал в Него и угождал Ему добрыми делами, отвращаясь языческого многобожия. Отрок внимал наставлениям матери и усваивал их, насколько возможно было по его отроческим летам. Но, какая утрата и лишение! добрая его мать и руководительница в молодых годах отошла ко Господу, оставив отрока еще не пришедшим в совершенный разум и возраст. После ее смерти отрок легко пошел по следам отцовского заблуждения; отец часто приводил его на поклонение к идолам, утверждая в языческом нечестии.

Затем отрок был отдан в грамматическую школу, а когда он с успехом прошел курс всего внешнего языческого любомудрия, отец отдал его одному славному врачу Евфросину в

медицинскую школу, дабы он получил навык в врачебном искусстве. Отрок, будучи восприимчивого ума, легко усваивал то, чему его учили и, вскоре превзошедши своих сверстников, мало чем не сравнялся и с самим учителем: к тому же он отличался поведением, красноречием, красотой и на всех производил приятное впечатление; был он известен и самому царю Максимиану. Ибо Максимиан жил в то время в Никомидии; предавая христиан мучению, он сжег их 20 000 в церкви⁴, в день Рождества Христова умертвил епископа Анфима⁵, и многих, после различных мучений, предал различного рода смерти. Врач Евфросин часто приходил с лекарствами в царские палаты мучителя или к нему самому или к его придворным, потому что врач этот давал средства от болезней всему царскому двору. Когда Евфросин приходил к царю во дворец, его сопровождал и отрок Пантолеон, следовавший за своим учителем, и все удивлялись красоте и доброму разуму отрока. И царь, увидев его, спросил:

– Откуда он и чей сын?

Получив ответ, царь приказал учителю скорее и как можно лучше научить отрока всему врачебному искусству, выразив желание иметь его при себе всегда, как достойного предстоять

пред царем и служить ему. В то время юноша приходил уже в совершенный возраст. В те дни был в Никомидии старец пресвитер, именем Ермолай⁶, из страха пред нечестивыми укрывавшийся с немногими христианами в маленьком и незначительном доме. Путь Пантолеона, когда он шел из своего дома к учителю и обратно, лежал мимо жилища, в котором укрывался Ермолай. Видя в окошечко юношу, часто проходящего мимо, Ермолай из лица и взгляда его познал его добрый нрав; уразумев духом, что юноша будет избранным сосудом Божиим, Ермолай вышел однажды на встречу юноше и упросил его на самое малое время зайти к нему в дом. Кроткий послушный юноша вошел в дом старца. Посадив его около себя, старец спрашивал его о происхождении и родителях, о вере и о всём образе его жизни. Юноша всё рассказал подробно и сообщил, что его мать была христианка и умерла, а отец жив и, согласно языческим законам, почитает многих бесов. И спросил его святой Ермолай так:

– Ну, а ты, доброе чадо! к какой стороне и вере хотел бы принадлежать, отцовской или матерней?

Юноша ответил:

– Моя мать, пока была жива, учила меня своей вере, и я возлюбил ее веру. Но отец, как более сильный, принуждает меня исполнять языческие законы желает водворить меня в царской палате в чине близких и сановных воинов и слуг царя. Святой Ермолай спросил опять:

– А в каком учении наставляет тебя твой учитель?

Юноша передал так:

– Учение Асклепиада, Иппократа и Галена⁷; так, именно, хотел отец мой, да и учитель говорит, что если я усвою учение этих, то легко могу лечить всякие болезни у людей.

В последних словах святой Ермолай нашел повод к полезной беседе и начал в сердце юноши, как на доброй земле, сеять доброе семя Божиих словес:

– Верь мне, – обратился он, – о, добрый юноша! – я говорю тебе одну истину; учение и искусство Асклепиада, Иппократа и Галена ничтожно и мало могут помогать прибегающим к ним. Да и боги, которых царь Максимиан и твой отец и прочие язычники почитают, суетны и не что иное, как баснословие и обман для слабоумных. Истинный же и всемогущий Бог есть един – Иисус Христос, в Которого если ты будешь веровать, то будешь исцелять всякие болезни одним призванием Его Пречистого имени. Ибо

Он слепым давал зрение, прокаженных очищал, мертвых воскрешал; бесов, которым язычники поклоняются, изгонял из людей одним словом; не только Сам Он, но и одежды Его подавали исцеление: ибо жена, двенадцать лет одержимая кровотечением, едва только прикоснулась к краю одежды Его, тотчас исцелилась. Но кто может подробно рассказать о всех чудесных действиях Его? Как невозможно исчислить песок морской, небесных звезд и капель воды, так нельзя исчислить чудес и измерить величие Божие. И теперь Он – Помощник крепкий Своим рабам, утешает печальных, исцеляет больных, избавляет от бедствий и освобождает от всех вражеских зол, не ожидая, что будет умолен тем или другим, но предупреждая молитвы и даже сердечное движение. Силу совершать всё это дает и тем, которые любят Его и посылает им дар еще больших чудотворений; наконец дает бесконечную жизнь в вечной славе небесного царствия.

Пантолеон веровал этим наставлениям святого Ермолая, как истинным, принимая в свое сердце; с радостью он углублялся в них умом и сказал он святому старцу:

– Я много раз слышал это от матери моей и часто видел, как она молилась и призывала того Бога, о Котором ты мне рассказываешь.

С этого дня Пантолеон каждый день приходил к старцу и наслаждался его богодухновенными беседами, укрепляясь в познании истинного Бога. И когда он возвращался от своего учителя Евфросина, то не раньше приходил домой, как посетив старца и приняв от него душеполезные наставления.

Однажды случилось ему, когда на обратном пути от учителя он свернул несколько в сторону, найти мертвого ребенка, укушенного огромною ехидною, и самую ехидну, лежавшую тут же близ ужаленного. Видя это, Пантолеон сначала испугался и немного отступил, а потом подумал сам в себе так:

– Теперь пришло время испытать мне и убедиться, истинно ли всё, что говорил старец Ермолай.

Взглянув на небо он произнес:

– Господи Иисусе Христе, хотя я и недостойн призывать Тебя, но если ты хочешь, дабы я сделался рабом Твоим, яви силу Твою и сделай так, чтобы во имя Твое, отрок этот ожил, а ехидна издохла.

И тотчас отрок, как будто от сна, встал живым, ехидна же расселась пополам. Тогда Пантолеон, совершенно уверовав во Христа, обратил свои телесные и духовные очи к небу и благословил Бога с радостью и слезами за то, что Он вывел

его из тьмы к свету познания Своего. Быстро пошел он к святому Ермолаю пресвитеру, припал к его честным стопам, прося крещения. Он рассказал ему о случившемся, как мертвый отрок ожил силою имени Иисуса Христа и как погибла ехидна, причинившая смерть. Святой Ермолай, оставив дом, пошел с ним взглянуть на издохшую ехидну и, увидев, благодарил Бога за совершенное чудо, через которое Он привел Пантолеона к Своему познанию. Возвратясь домой, он крестил юношу во имя Отца и Сына и Святого Духа, и, совершив литургию во внутренней своей комнате, причастил его Божественных Таин Тела и Крови Христовых. По крещении Пантолеон оставался при старце Ермолае семь дней, поучаясь от божественных слов, сообщаемых ему устами старца и благодатью Христовой: как из источника живой воды утучнял он свою душу к изобилию духовных плодов. На восьмой день он пошел к себе домой, и отец его спросил у него:

– Сын мой, где ты пробыл столько дней; я беспокоился о тебе?

Святой ответил:

– Был с учителем у царя во дворце, – лечили больного, которого царь очень любит, и не отходили от него семь дней, пока не возвратили ему здоровье.

Так говорил святой и говорил не ложь, но под видом притчи сообщая истину таинственно и иносказательно: в уме своем учителем называл он святого Ермолая пресвитера, под царской палатой разумел он тот внутренний покой, в котором совершалось божественное таинство, а больным называл свою душу, которую возлюбил небесный Царь и которая была пользуема семь дней духовным врачеванием.

Когда следующим утром он пришел к учителю Евфросину, тот спросил у него:

– Где ты пропадал столько дней?

– Отец мой, купив имение, послал меня принять его, и я замедлил, внимательно осматривая всё, что там есть: потому что оно куплено за дорогую цену.

И это он говорил иносказательно о святом крещении, которое он принял, и о прочих таинствах христианской веры, которые он узнал и которые все необычайной цены, превосходящей всякие богатства, ибо они приобретены кровью Христовою. Услышав это, Евфросин прекратил свои расспросы. Пантолеон же блаженный преисполнен был благодати Божией, нося внутри сокровище святой веры. Он сильно заботился об отце своем, как бы извести его из тьмы идолюбесия и привести к свету познания Христа и каждый день, беседуя с

ним с мудростью притчами и вопросами, говорил ему:

– Отец! почему боги, сделанные стоящими, как сначала поставлены, так и до нынешнего дня стоят, никогда не садятся; сделанные же сидящими до нынешнего дня сидят и никогда не встают?

– Не совсем ясен и мне вопрос твой, – отвечал отец, – и сам не знаю, что на это отвечать.

Святой же, постоянно предлагая и другие, подобные этому, вопросы отцу, заставил того сомневаться в своих богах и понемногу понимать ложь и заблуждение идолопоклонства; отец уж перестал так почитать идолов, как почитал их прежде, принося им каждодневно многочисленные жертвы и поклонение, а начал презирать их и не поклоняться им. Видя это, Пантолеон радовался, что хотя возбудил в отце сомнение относительно идолов, если не успел совершенно отвратить его от них. Не раз хотел Пантолеон разбить идолов отца своего, коих много было в его дому, но удерживался, частью чтобы не прогневать отца своего, которого, согласно заповедям Божиим, должно почитать, отчасти ожидал, когда отец, познавши сам истинного Бога, захочет своею рукою сокрушить их.

В то время привели к Пантолеону слепого, просившего об исцелении таким образом:
– Умоляю тебя, пощади меня, ослепленного и лишенного драгоценного света; все врачи, какие только есть в этом городе, лечили меня и не получил я от них никакой пользы, но и последних проблесков света, какие я мог видеть, лишился я вместе со всем моим имуществом; ибо много потратил я, награждая их, и вместо исцеления получил от них только вред и потерю времени.

Святой возразил ему:

– Если ты всё имущество раздал тем врачам, от которых не получил пользы, то чем вознаградишь меня, если получишь исцеление и прозреешь?

– Всё последнее немногое, – воскликнул слепец, – что у меня осталось, с готовностью отдам тебе.

Святой произнес:

– Дар прозрения, открывающий для тебя свет, даст тебе Отец светов, истинный Бог через меня, недостойного раба Своего, а ты обещанное не мне отдай, а раздай нищим.

Услышав это, Евсторгий, отец Пантолеона, сказал ему:

– Сын мой! не решайся касаться такой вещи, которой ты не можешь сделать, иначе ты будешь осмеян: что, в самом деле, можешь ты сделать

больше лучших тебя врачей, которые лечили его и не могли вылечить?

– Никто, – возразил святой, – из врачей тех не знает, какое средство применяется в данном случае, как знаю я, ибо огромное различие между ними и между учителем моим, который открыл мне это средство.

Отец его, думая, что он говорит об учителе Евфросине, заметил:

– Я слышал, что и учитель твой пользовал этого слепца и ничего не мог сделать.

– Подожди немного, отец мой! – ответил

Пантолеон, – и увидишь силу моего врачевания.

С этими словами он коснулся пальцами глаз слепого, сказав:

– Во имя Господа моего Иисуса Христа, просвещающего слепых, прозри.

Тотчас открылись очи слепого – и он стал видеть.

И в ту минуту отец Пантолеона, Евсторгий вместе с прозревшим человеком, уверовали во Христа и были крещены святым пресвитером Ермолаем, и преисполнились они великой духовной радости о благодати и силе Христовой. Тогда Евсторгий начал сокрушать в своем доме всех идолов, в чем помогал ему и сын его святой Пантолеон; раздробив идолов на части, они бросили последние в один глубокий ров и засыпали землею. Прожив, после этого недолгое

время, Евсторгий преставился ко Господу. Пантолеон же, сделавшись наследником весьма богатого отцовского имения, тотчас даровал свободу рабам и рабыням, щедро наградив их; имущество же стал раздавать нуждающимся: убогим, нищим, вдовам и сиротам. Он обходил темницы и, посещая всех тех, которые страдали в оковах, утешал их врачеванием и подаванием того, в чем они нуждались; таким образом, он был врачом не только ран, но и бедноты человеческой; ибо все принимали от него неоскудную милостыню; нищие обогащались от его щедрот; а в лечении помогала ему благодать Божия. Ибо ему дан был свыше дар исцеления и он безмездно исцеления и он безмездно исцелял всякие болезни не столько аптекарскими средствами, сколько призыванием имени Иисуса Христа. Тогда-то Пантолеон явился, в действительности, Пантелеимоном, то есть всемилостивым, и по имени, и на деле оказывая всем милость и не отпуская от себя никого без подавания или не утешенным, ибо недостаточным вручал вспоможения, а больных безмездно лечил. Обратился к нему весь город с своими больными, оставив всех прочих врачей, ибо ни от кого не получалось столь скорых и совершенных исцелений, как от Пантелеимона, успешно лечившего и ни от кого не

принимавшего платы. И стало известно имя всемилостивого и безмездного врача во всём народе, а прочие врачи осуждались и осмеивались. Вследствие этого возникла со стороны врачей по отношению к святому немалая зависть и вражда; началась она еще с того времени, когда прозрел вышеназванный слепец. Дело возникло следующим образом. Однажды, когда этот слепец, прозревший благодаря святому Пантелеимону, шел по городу, увидели его врачи и говорили про себя: – Не это ли тот, что был слеп и искал у нас исцеления и мы не могли вылечить его? как же он теперь видит? кто и какими средствами исцелил его и открыл ему глаза? И спросили его самого, как он прозрел? И тот человек не скрыл, что врачом его был Пантелеимон. Те, зная, что он был учеником Евфросина, сказали: – Великого учителя великий ученик. Не знали, что через Пантелеимона действовала сила Христова и, не догадываясь, исповедали истину, что Пантелеимон – великий ученик великого учителя – Иисуса Христа. Но хотя устами они лицемерно и похваляли святого, а между тем в сердцах своих от зависти задумывали злое и наблюдали за святым, отыскивая против него какое-нибудь обвинение,

чтобы его погубить. И заметив, что он ходит в темницы и здесь исцеляет язвы учеников, страдающих за Христа, заявили Максимиану мучителю:

– Царь! юноша, которого ты повелел научит врачебному искусству, желая иметь его при себе в твоей палате, презрев твою столь очевидную к нему милость, обходить темницы, врачую узников, хулящих богов наших, одинаково с ними мудрствуя о наших богах и других склоняя к тому же зломудрствованию. Если ты не погубишь его в скором времени, то не мало причинишь себе беспокойства, потому что увидишь, как многие, благодаря его прельщающему учению, отвратятся от богов. В самом деле, врачебное искусство, которым Пантолеон исцеляет, он приписывает не Эскулапу⁸ или другому из богов, а какому-то Христу и все, кого он лечит, веруют в Него.

Так говорили клеветники, умоляя царя, чтобы он приказал призвать, исцеленного Пантолеоном, слепца в удостоверение и точное свидетельство справедливости их слов. И царь тотчас приказал отыскать того прозревшего слепца и, когда тот был приведен, спросил его:

– Скажи, человек, как Пантолеон исцелил твои глаза?

Тот отвечал:

– Призвал имя Христово, коснулся глаз моих, и я тотчас прозрел.

– А ты как думаешь, – обратился к нему царь, – Христос тебя исцелил или боги?

– Царь! – отвечал он, – врачи эти, которых ты видишь вокруг себя, прилагали много забот и в течение долгого времени к моему излечению; они взяли всё мое имущество и не только не принесли мне никакой пользы, но лишили меня и того малого зрения, которое я имел и в конец ослепили меня. Пантелеимон же одним призыванием имени Христова сделал меня зрячим. Теперь ты уж сам, о, царь! рассуди и реши, кто лучший и настоящий врач: Эскулап и прочие боги, в течение долгого времени призываемые и нисколько не помогшие, или Христос, только один раз Пантелеимоном призванный и тотчас давший мне исцеление. Не зная, что на это отвечать, царь, по обычаю всех мучителей, стал принуждать его к нечестию:

– Не безумствуй, человек, и не вспоминай Христа, ибо, очевидно, что боги дали тебе возможность видеть свет.

Исцеленный же, не обращая внимания на власть царя и не боясь угроз мучителя, ответствовал Максимиану дерзновеннее, чем евангельский

слепец (Иоан.9:27), некогда представленный на допрос к фарисеям:

– Ты сам безумствуешь, о, царь! слепых твоих богов называя подателями зрения, и сам ты подобен им, не желая видеть истины.

Исполнившись гнева, царь приказал тотчас лишить его жизни мечом, и была усечена глава доброго исповедника имени Иисуса Христа, и он отошел, чтобы лицом к лицу в немерцающем небесном свете видеть Того, Которого исповедал на земле, получив телесное зрение. Тело его святой Пантелеимон купил у убийц и похоронил близ тела отца своего.

После того царь велел призвать к себе Пантолеона. Пока воины вели святого к царю, он пел слова псалма Давидова: **"Боже хвалы моей! не премолчи, ибо отверзлись на меня уста нечестивые и уста коварные"** (Пс.108:1-2) и далее из псалма того. Так он телом предстал пред земным царем, духом – пред Небесным.

Царь Максимиан, глядя на него без всякого гнева, кротко начал так убеждать его:

– Не хорошие вещи слышал я о тебе, Пантолеон; говорят мне, что ты всячески порицаешь и унижаешь Эскулапа и прочих богов, Христа же, погибшего злою смертью, прославляешь и на Него надеешься и Его одного называешь Богом. Тебе, кажется, не безызвестно, сколь великое я

обратил на тебя внимание и сколь великую явил к тебе милость, что и в моем дворце ты принят, и учителю твоему, Евфросину, приказал в скорости научить тебя врачебному искусству, чтобы ты неотступно всегда находился при мне; ты же, презрев всё это, уклонился к врагам моим. Но, впрочем, не хочу верить тому, что говорят о тебе; потому что привыкли люди говорить много неправды. Вот почему я призвал тебя, чтобы ты сам рассказал о себе правду и обличил лживую на тебя клевету завистников, в присутствии всех, принеся, как подобает, жертву великим богам.

Святой отвечал:

– Делаю больше, нежели словам нужно давать веру, о, царь! потому что истина гораздо более познается из дел, чем из слов. Итак, поверь рассказам обо мне, что я отрекаюсь от Эскулапа и прочих ваших богов, а прославляю Христа, потому что из дел Его я познал, что он Единый Истинный Бог. Вот выслушай хотя вкратце дела Христовы: он сотворил небо, утвердил землю, воскрешал мертвых, возвращал зрение слепым, очищал прокаженных, одним словом поднимал с одра расслабленных. Что подобного сотворили почитаемые вами боги, – не знаю – и могут ли сотворить? Если же теперь хочешь узнать всемогущую силу Христову, увидишь ее

действие тотчас на самом деле. Прикажи принести сюда какого-нибудь человека, лежащего на одре смертной болезни, относительно которого врачи потеряли надежду и пусть придут ваши жрецы и призовут своих богов и я призову Бога моего – и который из богов исцелит больного, тот пусть будет признан Единым истинным Богом, прочие да будут отвергнуты.

Царю понравился этот совет святого, и он приказал тотчас поискать такого больного. И вот принесен был на постели человек, расслабленный в течение многих лет, который не мог действовать ни одним членом и был как будто какое-нибудь бесчувственное дерево. Пришли же и жрецы, – служившие идолам и опытные во врачебном искусстве, и предложили святому, чтобы он сначала призвал своего Христа.

Святой возразил им:

– Если я призову моего Бога и Бог мой исцелит сего расслабленного, то кого же будут исцелять ваши боги? Но пусть вы первые призовете ваших богов и если они исцелят больного, то не для чего будет и призывать моего Бога.

Итак жрецы начали призывать своих богов: один – Эскулапа, другой – Зевса, тот – Диану, другие – иных бесов и не было заметно ни

голоса, ни внимания. И долго они упражнялись в своих богопротивных молитвах без всякого успеха. Святой же, видя их напрасное старание, посмеялся. Увидев его смеющимся, царь обратился к Пантолеону:

– Сделай ты, Пантолеон, если можешь здоровым этого человека призыванием своего Бога.

– Пусть отойдут жрецы, – сказал святой – и они отошли.

Тогда святой, подойдя к постели, возвел очи свои на небо и произнес следующую молитву:

– **"Господи! услышь молитву мою, и вопль мой да придет к Тебе. Не скрывай лица Твоего от меня; в день скорби моей приклони ко мне ухо Твое; в день, [когда воззову к Тебе], скоро услышь меня"**

(Пс.101:2-3); и яви всемогущую Твою силу перед не знающими Тебя, ибо всё возможно для Тебя, о, Царю сил!

Произнесши эту молитву, святой взял расслабленного за руку со словами:

– Во имя господа Иисуса Христа, встань и будь здоров!

И тотчас расслабленный встал, почувствовал крепость во всем теле и радовался, ходя, и, взяв свою постель, понес ее в свой дом.

Видя такое чудо, многие из предстоявших уверовали во Христа; жрецы же, служившие

идолам, скрежетали зубами на раба Христова и обратились к царю с такими словами:

– Если он останется в живых, то уничтожатся жертвоприношения богам, и мы будем осмеяны христианами; погуби его, о, царь! как можно скорее.

Тогда царь сказал Пантолеону:

– Принеси, Пантолеон, жертву богам, чтобы не погибнуть понапрасну; ты знаешь, ведь, сколько людей погибло потому, что отреклись от наших богов и вследствие ослушания нашим приказаниям. Разве ты не знаешь, как жестоко был мучим старец Анфим?

– Все умершие за Христа, – ответствовал святой, – не погибли, а нашли себе вечную жизнь. И если Анфим, будучи стар и немощен телом, мог вынести жестокие мучения за господа нашего, тем более мне, юному и сильному телом, должно безбоязненно претерпеть все муки, на которые ты меня обречешь, ибо я буду считать жизнь пустою, если не умру за Христа, а если умру, сочту это приобретением.

Царь приказал повесить обнаженного мученика на мучилищном дереве и железными когтями строгать его тело, опаляя ребра горячими свечами. Он же, перенося эти страдания, воззрел на небо и сказал:

– Господи Иисусе Христе! предстани мне в эту минуту, дай мне терпение, дабы я до конца мог вынести мучения.

И явился ему Господь в образе пресвитера Ермолая, изрекши:

– Не бойся, Я с тобою.

И тотчас руки мучителей ослабели и как бы омертвели, так что из них выпали орудия пытки и свечи погасли. Увидев это, царь приказал снять мученика с места мук и сказал ему:

– В чем сила твоего волшебства, что и слуги изнемогли, и свечи погасли?

Мученик отвечал так:

– Волшебство мое – Христос, всемогущая сила Которого всё соделывает.

Царь возразил:

– А что ты сделаешь, если я назначу еще сильнейшие муки?!

– В бо⁷льших муках, – отвечал мученик, – бо⁷льшую силу явит Христос мой, посылая мне бо⁷льшее терпение на то, чтобы посрамить тебя. А я, понесши за Него более тяжкие муки, получу от него бо⁷льшие воздаяния.

Тогда мучитель повелел растопить олово в большом котле и бросить туда мученика. Когда олово кипело, мученика подвели к котлу, он же возвел очи свои к небу и так молился:

– **"Услышь, Боже, голос мой в молитве моей, сохрани жизнь мою от страха врага; укрой меня от замысла коварных, от мятежа злодеев"** (Пс.63:2-3).

Когда он так молился, опять явился ему Господь в образе Ермолая, и, взяв его за руку, вошел с ним в котел, и тотчас огонь угас и олово остыло, а мученик пел слова псалма: **"Я же воззову к Богу, и Господь спасет меня. Вечером и утром и в полдень буду умолять и вопиять, и Он услышит голос мой"** (Пс.54:17-18).

Предстоявшие дивились чуду, а царь воскликнул:

– Что же, наконец, будет, – если и огонь погас, и олово охладело? Какой же муке предам этого волшебника?

Предстоявшие посоветовали:

– Пусть он будет ввержен в морскую глубину, потому что не может же он всё море околдовать, – и тотчас погибнет.

Мучитель повелел, чтобы так и было сделано.

Слуги, схвативши мученика, повели его к морю, посадили его в лодку, навязав на шею большой камень; отплыв далеко от берега, они бросили его в море, а сами вернулись на берег. Когда святой был брошен в море, снова явился ему Христос, как и в первый раз, в образе Ермолая и стал камень, привязанный к шее мученика,

легок, как лист, так что Пантелеимон держался с ним на поверхности моря, не погружаясь, но, точно посуху, ходил по водам, руководимый, как некогда Апостол Петр, десницею Христовой; он вышел на берег, воспевая и прославляя Бога и предстал царю. Царь несказанно изумился такому чуду, воскликнув:

– Какова же сила волшебства твоего, Пантолеон, что и море ты подчинил ему?

– И море, – объяснил святой, – повинуется своему Владыке и исполняет волю Его.

– Так ты и морем владеешь? – спросил царь.

– Не я, – ответил мученик, – но Христос мой, Создатель и Владыка всей видимой и невидимой твари. Он обладает как небом и землею, так равно и морем: **"Путь Твой в море, и стезя Твоя в водах великих"** (Пс.76:20).

После того мучитель повелел приготовить вне города звериный цирк, чтобы отдать мученика на съедение зверям. Весь город собрался на это зрелище, желая видеть, как прекрасного и безвинно страдающего юношу будут терзать звери. Явился сюда и царь; приведя мученика, он показывал ему пальцем на зверей с такими словами:

– Они приготовлены для тебя; итак, послушай меня, побереги твою юность, пощади красоту твоего тела, принеси жертву богам, иначе

умрешь жестокою смертью, терзаемый зубами зверей.

Святой же изъявив желание лучше быть растерзанным зверями, нежели повиноваться такому лукавому совету и повелению. И его бросили зверям. Господь же и тут, явившись святому в образе пресвитера Ермолая, заградил пасти зверей и сделал их кроткими, подобно овцам, так что, подползая к святому, они лизали ноги его. Он гладил их рукою и каждый из зверей старался, чтобы рука святого коснулась его, оттесняя один другого. Народ же, видя это, изумился и громогласно восклицал:

– Велик Бог христианский! да будет отпущен неповинный и праведный юноша!

Тогда царь, преисполнившись гнева, вывел солдат с обнаженными мечами на тех, которые славили Христа Бога, и многие из народа, уверовавшие во Христа, были убиты; приказал же царь и зверей всех убить. Видя это, мученик возгласил так:

– Слава Тебе, Христе Боже, что не только люди, но звери умирают за Тебя!

И удалился царь с места зрелища, скорбя и гневаясь, а мученика бросил в темницу. Убитые люди, взятые своими, преданы были погребению, а звери были оставлены на съедение псам и плотоядным птицам. Но и тут

совершилось великое чудо: звери эти много дней лежали без всякого прикосновения не только со стороны псов, но и птиц, и мало того, – трупы их не издавали запаха. Узнав это, царь приказал бросить их в глубокий ров и засыпать землею. Для мученика же приказал устроить страшное колесо, усеянное острыми спицами. Когда же к нему привязали святого и стали то колесо вертеть, тотчас колесо действием невидимой силы разлетелось на части и многих, стоявших по близости ранило, на смерть, а мученик сошел с колеса цел и невредим. И напал на всех страх, в виду таких чудес, какими Бог прославлялся в лице Своего святого. А царь сильно изумился и спрашивал мученика:

– Кто научил тебя совершать столь великие волшебные действия?

– Не волшебству, но истинному христианскому благочестию я научен, – сказал мученик, – святым мужем пресвитером Ермолаем.

– А где тот учитель твой Ермолай, – спросил царь, – хотим видеть его?

Мученик же, разумея духом, что для Ермолая приблизилось время венца мученического, ответил царю:

– Если прикажешь, я призову его к тебе.

И отпущен был святой, в сопровождении трех стерегущих его воинов призвать пресвитера Ермолая.

Когда же мученик пришел к тому дому, в котором жил пресвитер, старец, увидев его, спросил:

– Чего ради пришел ты, сын мой?

– Господин и отец, царь зовет тебя.

– Вовремя ты пришел звать меня, – сказал старец, – потому что наступил час моего страдания и смерти; ибо в эту ночь явился мне Господь и возвестил: "Ермолай! надлежит тебе много пострадать за Меня, подобно рабу Моему Пантелеимону".

С этими словами, старец радостно пошел с мучеником и предстал перед царем. Царь, увидя пресвитера, спросил его об имени. Святой же, называя свое имя, не скрыл и своей веры, громогласно называя себя христианином. Царь снова спросил его так:

– Есть ли еще кто-нибудь с тобой той же веры?

Старец ответствовал:

– Имею двух сослужителей, истинных рабов Христовых, Ермиппа и Ермократа.

Тогда царь приказал и тех привести перед себя и сказал трем тем служителям Христовым:

– Это вы отвратили Пантолеона от наших богов?

– Сам Христос, – возразили они, – Бог наш тех, кого считает достойными, призывает к Себе, выводя их из тьмы идолобесия к свету Своего познания.

– Оставьте теперь, – предложил царь, – ваши лживые слова и обратите снова Пантолеона к богам, тогда и первая вина вам простится и заслужите от меня почести в такой степени, что сделаетесь ближайшими друзьями мне в моем дворце.

– Как можем мы это сделать, – с твердостью спросили святые, – если мы и сами готовимся умереть с ним за Христа Бога нашего?! Ни мы, ни он не отречется от Христа, ни тем менее принесем жертвы глухим и бездушным идолам. Сказав это, они обратили все свои мысли к Богу и стали молиться, возведши глаза свои к небу. И свыше явился им Спаситель и тотчас произошло землетрясение и поколебалась местность та.

– Видите, как боги прогневались на вас, – провозгласил царь, – они колеблют землю!

– Ты правду сказал, – согласились святые, – что из-за ваших богов поколебалась земля, ибо они упали с своих мест наземь и разбились, низверженные силою Бога нашего, прогнавшего на вас!

Когда они так говорили, прибежал к царю вестник из капища с известием, что все их

идолы пали на землю и рассыпались в прах. Безумный же правитель, видя во всём этом не силу Божию, но волшебство христиан, воскликнул:

– Поистине, если этих волхвов не погубим в самой скорости, то весь город погибнет из-за них.

Он приказал Пантелеимона отвести в темницу, старца же Ермолая и с ним его двух друзей, подвергнув многим истязаниям, осудил на усекновение мечом. И так три святых мученика: пресвитер Ермолай и сослужившие с ним, Ермипп и Ермократ, совершив свой мученический подвиг, вместе предстали Святой Троице в славе небесной.

После убиения трех святых мучеников, царь, приказав представить перед себя святого Пантелеимона, обратился к нему с такими словами:

– Многих я обратил от Христа к нашим богам, ты один не хочешь послушать меня. Уж и учитель твой Ермолай с обоими своими друзьями поклонился богам и жертву принес им, и я почтил их почетным саном в моем дворце. Поступи и ты также, чтобы получить с ними одинаковую честь.

Мученик же, зная своим духом, что святые скончались, попросил царя:

– Прикажи им придти сюда, чтобы я видел их пред тобою.

– Нет их теперь здесь, – солгал царь, – потому что я отослал их в другой город, где они получают великое богатство.

– Вот ты, против желания, изрек истину, – разъяснил ему святой, – ты отослал их отсюда, предав смерти, и они действительно отошли в град небесный Христа получить богатства, которых невозможно видеть глазу.

Царь, видя, что мученика никоим образом нельзя преклонить к нечестию, приказал жестоко бить его и, подвергши жестоким ранам, осудил его на смерть, чтобы отсекали ему глава мечом, а тело его повелел предать огню. И воины, взявши повели его на усекновение вне города.

Святой, идя на смерть, пел псалом Давида:

"Много теснили меня от юности моей, но не одолели меня. На хребте моем орали оратаи"

(Пс.128:2-3). И так до конца слова псалма того.

Когда воины вывели мученика от города на расстояние больше, чем одно поприще, тогда пришли на место, на котором Господу угодно было, чтобы скончался раб Его; они привязали Пантелеимона к маслине и, приблизившись, палач ударил мечом святого по вые, но железо перегнулось, как воск, а тело святого не приняло

удара; потому что он еще не окончил своей молитвы.

Воины в ужасе воскликнули:

– Велик Бог христианский!

И, упавши к ногам святого, просили:

– Молим тебя, раб Божий! помолись за нас, да отпустятся грехи наши, что мы сделали тебе по повелению царя.

Когда святой молился, слышался с неба голос, обращенный к нему и утверждающий переименование его; потому что Господь, вместо Пантолеона назвал его Пантелеимоном, явно сообщая ему благодать, чтобы миловать всех прибегающих к нему во всяких бедах и горестях – и призывал его Господь на небо. Святой, исполненный радости, повелел воинам, чтобы усекли его мечом; но те не хотели, потому что боялись и трепет напал на них. – Тогда святой обратился к ним с такими словами:

– Если вы не исполните порученного вам, не получите милости от Христа моего.

Воины приступили и сначала облобызали всё тело его; потом поручили одному – и он отсек мученику голову и вместо крови потекло молоко. Маслина же та с той минуты покрылась плодами с корня до вершины. Видя это, многие из народа, бывшего при усечении, уверовали во Христа.

О чудесах, явленных тут, сообщено было царю, и он повелел немедленно маслину ту изрубить на куски и сжечь вместе с телом мученика.

Когда огонь погас, верующие взяли тело святого из пепла, неповрежденное огнем и похоронили с честью на близлежащей земле схоластика Адамантия.

Лаврентий, Вассой и Провиан, служившие при доме мученика, следовавшие за ним издали, видевшие все его мучения и слышавшие голос с неба, бывший к нему, написали повествование о жизни и мучениях его и передали святым церквам в память мученика, на пользу читающим и слушающим во славу Христа Бога нашего со Отцом и Святым Духом славимого, ныне и всегда и во веки веков. Аминь⁹.

Тропарь, глас 3:

Страстотерпче святей и целебниче
Пантелеимоне, моли милостивого Бога, да
прегрешений оставление подаст душам нашим.

Кондак, глас 5:

Подражатель сый Милостиваго, и исцелений
благодать от Него прием, страстотерпче и
мучениче Христа Бога, молитвами твоими
душевныя наша недуги исцели, отгоня присно

борца соблазны от вопиющих верно: спаси ны, Господи.

---

¹ 305 – 311 гг.

² Вифиния – северо-западная область Малой Азии, лежащая по берегам Черного моря, Босфора и Константинопольского пролива. Страна эта известна с глубокой древности и свое название получила от Вифинов, переселившихся в нее из Фракии. Вифиния была живописна, плодородна и обильна скотом. В 546 г. до Р.Х. вифины подпали под власть Персов, но с 327 г. Вифиния опять стала самостоятельным государством; в 75 г. до Р.Х. Вифиния, по завещанию царя Никомида III, перешла к Римлянам, на правах самостоятельной провинции, управляемой особым проконсулом. Христианство в Вифинии появилось во времена апостольские (1 послание Ап. Петра гл. 1, ст. 1). Во время Плиния Младшего, правившего Вифиниею, и императора Траяна (98-117 гг.) здесь было очень много христиан не только в городах, но селах и деревнях. При Диоклитиане (284-305 гг.) в Вифинии было страшное гонение на христиан. В IV и V веках Вифиния была особенно замечательна в церковном отношении:

здесь было много церковных соборов по поводу различных ересей.

³ Никомидия – великолепный в древности город на берегу Пропонтиды или Мраморного моря.

⁴ Память их 28 декабря.

⁵ Память его 3 сентября.

⁶ См. житие его под 26 июля.

⁷ Знаменитые врачи древности.

⁸ Бог врачебного искусства.

⁹ Святой Пантелеимон был усечен 27 июля 305

года. В месяцеслове Василия говорится, что истекшие при усечении святого кровь и молоко

хранились до X в. и подавали верующим

исцеления; об этом говорится и в греческом

стишном прологе XII в. Память св.

Пантелеимона издревле особенно чтилась на

Востоке; церкви, во имя его построенные в

Севастии армянской и в Константинополе,

относятся к IV в. Мощи его перенесены были в

Царьград; оттуда большая часть из перенесена в

Париж в Сен-Дени, а глава якобы в Лион в 802

г., но русский паломник Антоний в 1200 г. видел

голову его в Софии в Царьграде, а по

свидетельству Стефана Новгородца (1350 г.) в

XIV в. мощи св. Пантелеимона почивали во

Влахернской церкви в Царьграде. Часть мощей

находится ныне в Афонском Пантелеимоновом

монастыре.